

НЕБЕСНАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ

临终愿望局

АННА МИЛЛЕР

Небесная канцелярия

Анна Миллер

**Небесная канцелярия:
Отдел последних желаний.
Часть 2 Раненая птица**

«Автор»

2026

Миллер А.

Небесная канцелярия: Отдел последних желаний. Часть 2 Раненая птица / А. Миллер — «Автор», 2026 — (Небесная канцелярия)

Ли Сюань получил то, о чем мечтал веками — шанс прожить свою первую настоящую жизнь. Без проклятия. Без воспоминаний о прошлых жизнях. Без знания о мире духов и демонов. Но пока он учится жить заново, Моне ждет суровое наказание. Чтобы доказать ее невиновность, нужно узнать настоящее имя шаманки, которая однажды изменила судьбу Сюаня. Но ответ спрятан слишком глубоко — там, где даже мертвые боятся искать.

© Миллер А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Анна Миллер

Небесная канцелярия: Отдел последних желаний. Часть 2 Раненая птица

Глава 1

Даже если весь мир спрячется во тьме, я найду тебя и выведу к свету.

Я помню тот день, когда появилась на свет. Мир вокруг казался огромным и пугающим, но невероятно прекрасным. Сквозь густую зелень просачивался мягкий свет, а вдали мерцала серо-голубая гладь. Я не знала, что это, но мне определенно это нравилось. От теплого ветра шелестели листочки вокруг гнезда, бережно выложенного сухими прутиками и веточками. Рядом лежали небесно-голубые в бурую крапинку скорлупки, и я осмотрелась, в надежде увидеть хоть кого-то, похожего на себя. Но разделить этот чудесный миг было не с кем. В гнезде я была одна.

Шло время. Круг света прокатился по всему небу и скрылся за лесом. Но как бы звонко я ни кричала, никто так и не пришел, чтобы помочь мне. Когда стемнело, я поняла, что жизнь моя будет короткой.

Лес наполнялся устрашающими звуками и шорохами. Я слышала взмахи мощных крыльев, непрерывный стрекот насекомых, скрип деревьев и гул ветра, проходящего между ними. Внизу захрустели ветки, и кто-то горестно завыл, от чего мое крохотное сердце чуть не выскочило из груди. Я позволила темноте накрыть меня, мечтая оказаться в другом месте. Там, где будет тепло и обо мне позаботятся. Где я не буду бояться черной тени, пролетающей над лесом. И когда вновь с опаской открыла глаза, я увидела яркий огонек, похожий на круг света, что висел в небе днем, только намного меньше. Он горел далеко-далеко, за черно-серой гладью и мерцал, маня к себе. Тогда я впервые узнала, что такое любопытство, хоть и не могла это правильно назвать. Моим желанием стало приблизиться к этому свету, разглядеть его поближе, узнать его тайну. Так я и смотрела на мерцающий огонек, игнорируя все остальное, и он будто согревал меня издалека, пока я не уснула.

Первое время я не могла выбраться из гнезда. Я видела других птиц, меньше и в разы больше меня, но никто из них со мной не разговаривал, а я была слишком напугана, чтобы просто так к ним обратиться. Полагаю, они считали меня слабой. Единственный птенец в гнезде, родителей рядом нет, кормить и учить жизни некому. Но у меня была цель, и я решила во что бы то ни стало добраться до огонька, а там будь что будет.

Прошло много дней, теплый круг света уже столько раз пролетел над лесом, что я сбилась со счета. Я питалась пролетающими мимо насекомыми, так и не покидая гнездо и стараясь не привлекать к себе внимание больших птиц. Порой меня накрывала неимоверная слабость, и, казалось, проще сдаться на милость природы. Но любопытство было сильнее. Огонек все так же загорался вдали каждую ночь, но добраться до него казалось нереально. Я запоминала как двигаются крылья других птиц, пытаюсь повторить их движения, и вскоре у меня действительно начало получаться. Но впереди ждал густой лес, полный опасностей, и огромное неизведанное пространство за ним, которой другие птицы называли водой. Серо-голубая гладь днем и черная, как небо, ночью, таила опасность. От волнения перехватывало дыхание, но я должна была хотя бы попытаться взлететь.

И я рискнула.

Когда круг света остановился прямо над гнездом и осветил все вокруг я расправила крылья и сделала пару неуверенных взмахов. Тогда я и почувствовала свободу. До того момента я летала только во сне, представляя каково это будет, но сейчас это был не сон. Лапки оторвались от гнезда, и я воспарила на нем, словно пылинка. Сделав пару неуверенных кругов, я с грустью окинула взглядом свое маленькое гнездышко и полетела дальше, поддавшись потоку воздуха.

Лавируя между деревьями и неумело цепляясь за ветки, я взлетела вверх, от внезапного порыва ветра. Расправив крылья в стороны, я замерла и невольно вскрикнула. Мир вокруг оказался намного больше, чем я его себе представляла. Лес простирался вдаль, переходя в горы и обрывы с одной стороны, и в, неизведанную мной, серо-голубую гладь с другой. Не раздумывая, я полетела в ее направлении, и вскоре приземлилась на раскидистое дерево у самого берега. Его тонкие ветки погружались в прохладную воду, и бесследно исчезали в ней. Вдоль берега, то тут, то там, виднелись зеленые островки с красивыми белыми цветами, но они не выглядели надежным местом для отдыха, а поднимались и опускались, будто вода дышала под ними. Серо-голубая гладь простиралась вдаль и на ней не было ничего. Надежда на то, что на этом огромном промежутке пути я смогу передохнуть, сменилась тревогой и отчаянием.

Найти свое гнездо я уж не смогла и к вечеру пришлось вернуться к тому же согнутому дереву на берегу. Этой ночью я наблюдала за обстановкой, всматриваясь в темноту. Вместо теплого света, в небе сиял ледяной круг. Я не на шутку испугалась, заметив в черно-серой воде стремительнодвигающиеся тени, но, подняв взгляд вверх, поняла, что это лишь отражения летящих высоко над ней больших птиц. Они определенно представляли угрозу, но у меня было преимущество, как я наивно предполагала.

В следующую ночь, как только яркий огонек засиял вдалеке, я собралась с силами и ринулась к нему, не выпуская из вида. Мои черные крылья при каждом взмахе растворялись в темноте и казалось, что я невидима. На это я и возлагала надежды, на мнимую невидимость в черноте ночи, но, конечно, все пошло не так. Когда половина пути была позади, серебристая тень пронеслась по глянцевой поверхности и мой взгляд устремился вверх. Высоко надо мной летела крупная птица, я уже замечала ее раньше над лесом и всегда пряталась, потому что ее грозный вид вселял в сердце страх. Заметив меня, она сверкнула зоркими глазами и с громким криком устремилась вниз. От страха я выдохлась раньше времени, а мой огонек все еще казался недосягаемым.

Услышав над головой угрожающие резкий взмах крыльев, я ошарашено вильнула в сторону. В темноте сверкнули мощные когти. Хищная птица явно нацелилась на меня, и я рванула вперед изо всех сил, крича во тьму и призывая, манящий впереди огонек дать мне сил. Широкие крылья и длинный хвост помогали хищнику маневрировать в воздушных потоках, но я была намного легче и проворнее, поэтому парила в самом низу, едва не касаясь поверхности воды. Мне казалось, что я оторвалась от погони и вскоре, вместо прохлады начала ощущать тепло, исходящее от земли. Мое сердце забилось быстрее, и я радостно метнулась ввысь, ожидая вновь увидеть свой огонек, который на какое-то время пришлось упустить из вида, спасаясь от преследования. И, в момент невероятной радости от достижения цели, моего крыла коснулись холодные цепкие когти и со всей силы обхватили его. Я дернулась и тут же обмякла от резкой боли. Впервые я испытывала боль и уже решила, что это и есть смерть, но яркий огонек все еще мерцал и теперь он был так близко, что я могла разглядеть откуда он исходит. Золотая искра, покрытая тонкой, колышущейся от ветра, оболочкой. Он напомнил мне скорлупку, в которой я впервые открыла глаза. Искра трепетала, будто живая и я с криком вырвалась из хищных лап, чтобы хоть в свой последний миг ощутить ее близость. Взмахнув крыльями в последний раз, я проскочила в узкую щель прямо за своим огоньком и упала без чувств, примирившись со своей судьбой.

Не знаю, сколько прошло времени, потому что была уверена, что уже мертва. И тут кто-то бережно меня обхватил и прижал к себе. Долгожданное тепло разлилось по моему уставшему телу, и я приоткрыла глаза.

— Птичка, ты ранена?

Я впервые слышала чей-то голос и не совсем поняла смысл сказанного, но ощутила заботу, исходящую от его вибраций и мне стало легче. Ответить я не могла, по крайней мере не так, как от меня ожидали, но я дернула раненым крылом и вновь закрыла глаза от внезапно пронзившей боли. Кто-то, все так же аккуратно, переложил меня на твердую и холодную поверхность. Мне стало так одиноко без его тепла, что я жалобно вскрикнула.

— Прости птичка, сейчас я помогу тебе.

Я почувствовала, как он медленно расправил мои перышки и обмотал крыло чем-то мягким. Стало теплее, но не так как от его объятий и я снова вскрикнула.

— Тише, тише, раненая птичка, а то всех разбудишь и меня снова накажут. Я Ли Сюань. Мама говорит, это означает «таинственный», правда не знаю, что во мне такого таинственного. А как зовут тебя?

Голос успокаивал, и я решила открыть глаза, чтобы хоть как-то показать ему, что слышу его. Он оказался так близко, и я почувствовала его ровное дыхание. Мое сердце лихорадочно забилося от волнения. Гладкая розовая кожа без единого перышка, а глаза блестели, как черная гладь воды, над которой я летела сюда. Я слышала, что другие птицы говорили про таких как он. Они называли их «человек», и порой добавляли «глупый», объясняя это тем, что такие как он не умеют летать и вынуждены ходить по земле. Если этот «человек» не умеет летать, я могу его научить, как научилась сама, если он позволит мне остаться рядом с ним.

— Ты красавица. Твои глаза сияют, как сапфиры. Кажется, я знаю, кто ты, подожди немного, я покажу.

И он опять оставил меня одну, но в этот раз мне было уже не страшно, и я мирно ждала его возвращения. Вскоре он действительно вернулся и начал быстро перебирать какие-то светлые шуршащие листочки цепкими тонкими лапками, каждая из которых была больше меня самой. Но и это меня уже не пугало, где-то в глубине я чувствовала, что этот «человек» не причинит мне вреда и, когда он показал мне один из листов, я восторженно каркнула.

— Монедула, так называется твой вид, но я буду звать тебя Моне.

Ночное небо накрыло меня и погрузило во тьму, прежде чем я успела попрощаться. Я не знала, что у меня не будет этой возможности. В груди защемило от тоски. Смотреть в блестящие от слез черные глаза, было невыносимо, но я не могла поступить иначе.

Без едва уловимого биения его сердца стало так тихо. Я уже забыла, как ощущается эта гнетущая тишина.

В голове вертелись остатки воспоминаний последнего вечера.

Выйдя из Долины Воспоминаний и не обнаружив Сюаня, я почувствовала опасность и сразу последовала за ним. Я могу найти его, где бы он ни был, в Загробном мире или в Мире живых. Так уж повелось с нашей первой встречи, а может это стало моей супер-способностью, как только я увидела тот манящий огонек, что светил из окна его комнаты много веков назад.

След привел меня в больницу, к той самой палате, где спала Циньлин, но внутри не оказалось ни ее, ни его. Лишь дух молодой женщины, которая показалась мне знакомой. Она сидела на больничной койке и пыталась провести бестелесной рукой по белой смятой простыне. Когда она заметила меня и подняла глаза, зеленые, но уже не такие яркие, какие у нее были в теле

серой кошки, я сразу ее узнала. Мэй Ин — отчаявшаяся и немного свихнувшаяся от посмертной жизни мать Циньлин.

— Птица, — горько вздохнула она, — ищешь своего друга? Полагаю, он часть ее плана, но вряд ли это знание тебя остановит, так же, как и его. Он думает я ничего не сделала для дочери, но он не знает боль, которую я испытывала каждый день от того, что не могу ее обнять, поговорить с ней, помочь ей. Я не видела ее тысячу лет, а ведь она прожила за это время множество жизней: рождалась, росла и умирала. Разные люди, но одна душа.

Моне нахмурилась, вспомнив их прошлый разговор на крыше.

— Тобой движет не любовь, ты оплакиваешь себя. Боялась остаться одна и хотела ей такой же участи — жить в городе напрасно умерших вечность. Но тебе надо направить свою злость на того, кто действительно виноват во всем. Шаманка, это она заманила вас в ловушку, это она должна быть наказана.

— Как с ней бороться, ведь она сильнее меня? Всегда была, потому что я отказывалась забирать души и тела других, ради лучшей загробной жизни, а она готова на любую низость. Когда умрет тело девушки, в которой она находится сейчас, старуха найдет новое и продолжит добиваться своего.

— Она хочет убить свое тело?

— Да, она поняла, что проклятие, которое наслала на Ли Сюаня, имеет погрешность. Он все еще может возрождаться и портить ее планы. Поэтому она хочет подставить его. Старуха прознала, что если по вине духа Небесной канцелярии умрет человек, то его навечно отправят в Дию и он уже никогда не возродится.

Мои глаза расширились от осознания нависшей угрозы и если бы сердце еще билось, то выскочило бы из груди.

— Но Сюань всегда осторожен, он никогда не допустит гибели человека, он знает об этом правиле лучше всех.

Мой голос дрожал, но я была уверена в своих словах.

— Думаю, Шаманка найдет способ его переубедить.

Мэй Ин грустно улыбнулась и ее тело начало блекнуть в лунном свете, падающем из открытого окна.

— Я больше не могу быть в мире живых, у меня не хватит сил вселиться в новое тело. Настала пора отпустить все и принять наказание за свои поступки. Если сможешь, передай моей дочери, что я очень ее люблю.

Мэй Ин растворилась в воздухе, оставив лишь дрожащий свет на простынях. Я закрыла глаза, следуя за Сюанем, боясь, что уже могла опоздать.

И я опоздала...

Ли Сюань никогда бы не позволил мне жертвовать собой ради него, поэтому я сделала выбор не спрашивая разрешения. Надеюсь, он простит меня за это.

Когда умираешь, первым делом попадаешь в Чистилище. Здесь пахнет сыростью и отчаянием. Даже если твое существование в Мире живых было наполнено светом и счастьем, после смерти ты окажешься здесь. Если при жизни тебя любили и почитали, ты быстро найдешь выход. Но если ты вел одинокую или несправедливую жизнь и тебя некому вспомнить добрым словом, ты будешь долго блуждать в промозглом сером тумане пока не найдешь выход, если вообще найдешь. Говорят, многие проводят годы в скитаниях по этим темным лабиринтам и сходят с ума.

В первый раз, когда я здесь очутилась, меня вывел на свет Ли Сюань. Он знал, как важно помнить о тех, кто умер. Он сжигал в мою честь серебряные поминальные бумажки, и пока они горели в его мире, в моем чистилище они превращались в яркие лучики света, вспыхивающие в сером тумане и указывающие мне верный путь. Я никогда не рассказывала ему об этом,

но, думаю, он знал, потому что, когда я в первый раз подлетала к воротам в Диюй кое-что произошло.

Бестелесные духи столпились у ворот и, шевеля своими бескровными губами, громко сетовали на судьбу. Они спорили друг с другом и рыдали так, что от их, полных отчаянья, криков мне становилось зябко и я дрожала, словно от холода, но ведь я уже не могла его ощущать. Мне было так страшно в этом месте, я хотела вернуться назад в Мир живых, снова сидеть на плече Сюаня и чувствовать себя в безопасности. Тогда я и получила послание от него, искусно написанное тушью на догорающей бумаге. Оно возникло из ниоткуда и повисло в воздухе ярким огоньком, своеобразное дежавю.

«Я так скучаю по тебе, Моне. Дождись меня.»

Всего несколько слов, изменивших мое будущее и связавших нас двоих навеки. Когда я оказалась в просторном кабинете судьи Пань-Гуаня и он рассказал, что меня ждет дальше, я отказалась проходить этот путь.

— Но мальчишка сделал достаточно подношений для твоей чистой души, — возмутился судья. — К тому же смерть была несправедливой, и ты вмиг пройдешь весь путь к последнему десятому судилищу. Не глупи, птичка, тебе выпал шанс, которые хотят получить все, стоящие когда-либо за этой дверью.

Стоит сказать, что на секунду в моей маленькой серой головке промелькнула мысль согласиться на предложение судьи, но потом я вспомнила всю свою жизнь, которая была бы очень короткой и печальной без мальчика, подарившего мне надежду, тепло и заботу.

— И что будет потом? Я смогу вернуться к Ли Сюаню?

— Не совсем. Ты переродишься, верно, но вряд ли ты снова встретишься со своим другом. А даже если встретишься, то не вспомнишь его, а он не узнает тебя, ведь ты будешь уже другой.

— Как же я могу его забыть? Я найду его даже в толпе людей.

— Возможно, так было при жизни, но, пройдя весь путь к перерождению, в последнем судилище старушка Мэн По опоит тебя отваром забвения, и ты уже никогда не вспомнишь свою прошлую жизнь.

— Но я хочу помнить ее всегда. Я хочу помнить его в каждой своей жизни.

Судья тяжело вздохнул и перелистнул тонкими пальцами страницы Книги Судеб, парящей над его столом. На мгновение мне показалось, что он опечален.

— Не в моих правилах решать за тебя, да еще и уговаривать. В Книге уже записана твоя судьба. Ты можешь вернуться в Загробный мир и ждать своего друга, как пожелаешь.

— Спасибо, Господин.

Взмахнув крыльями, я вмиг оказалась у массивной двери, отделяющей кабинет судьи от Загробного мира. Я замерла, осознавая, что там меня снова ждет безысходность и леденящие душу крики.

— Увидимся через семьсот лет, когда тебе наскучит ждать, — услышала я усталый голос Пань-Гуаня позади себя.

«Семьсот лет? Разве люди так долго живут?» — подумала я и, не дав себе времени на сомнения, вылетела за дверь.

Тогда я еще не знала, что проведу в Загробном мире тысячелетие, встречая и провожая Ли Сюаня вновь и вновь.

Оказавшись в Чистилище уже во-второй раз и вспоминая все это, я ни на секунду не жалела о своем выборе. Я была так уверена, что снова услышу знакомый низкий голос, он будет очень зол на меня за то, что я сделала, но не оставит меня здесь одну. Затем я последую за вспышками света от сгорающих бумажек и выйду из темноты.

Но ничего из этого не произошло. Я стояла в оцепенении посреди ничего. Пустоты, серой, давящей со всех сторон пустоты. Я столько раз забирала его отсюда, вела через лабиринт к свету, он ведь не мог забыть все это? Он придет за мной, надо лишь подождать, правда?

— Сюань?

Дрожащим голосом произнесла я и что-то холодное покатилося вниз по щеке. Я коснулась пальцами лица и замерла. Слезы? На моих щеках, покрытых кровью убитой девушки, были слезы. Я никогда раньше не плакала, это делают люди, не птицы.

— Моне! — услышала я тонкий голосок.

Сквозь промозглый серый туман ко мне тянулась красная шелковая лента, и я нехотя позволила ей обхватить мою руку. Спустя мгновение я уже стояла у кроваво-красной Реки Мертвых в компании светловолосого паренька.

— Ну ты даешь! Весь отдел с праздника вытащили. Впервые дух Небесной канцелярии нарушил самое главное правило. Полагаю, это не твоя кровь.

Шицзы протянул мне расшитый золотыми нитями шелковый платок и, смущенно улыбувшись, указал на лицо.

Он продолжал тараторить, но я его уже не слушала. Меня интересовало только одно:

— Где Сюань?

— Он очнулся, в смысле вернулся в свое тело.

— Вернулся? Он снова живой?

— Ну да, лежит сейчас под наблюдением в палате интенсивной терапии. Я сначала не поверил, а потом сам сходил посмотреть. Все врачи в шоке, что спустя год он очнулся из комы. Они обнаружили в его крови яд неизвестного происхождения, но организм, якобы, сам от него очистился. Говорят это чудо, но в медицинскую карту, конечно, не записали, так что Сюань уверен, что просто чуть насмерть не отравился арахисом. В любом случае я рад за него. Наш Ли Сюань сможет прожить свою первую полную жизнь, разве это не круто?

— Да, это круто, — проямлила я и слегка улыбнулась, чтобы не показывать своих истинных чувств.

— Но что теперь будешь делать ты? Суд назначен через неделю, у судьи большая загруженность из-за предстоящего фестиваля. У тебя есть адвокат?

Я окинула Шицзы скептическим взглядом, удивляясь его неугасаемому оптимизму в любой ситуации.

— Разве он мне поможет? В правилах все четко указано. Преступление и наказание, разве нет?

— Вообще-то у духов тоже есть права и, если ты хочешь я могу поискать лазейки в системе. Уверен, они не все предусмотрели, когда писали эти правила. Ты ведь не со злым умыслом пробила ей сердце?

Он неуверенно посмотрел на меня своими невинными щенячьими глазами, и я стыдливо отвела взгляд.

— У меня не было выбора, да и времени, чтобы обдумать план. Шаманка специально все подстроила, теперь-то я вижу картину целиком. Девушке, чье тело она заняла, уже суждено было умереть, но я не могла позволить, чтобы это случилось от рук Сюаня. Я всего лишь мертвая птица, которая провела в Загробном мире всю свою жизнь или, вернее сказать, смерть. По сути, это мой дом, из которого я теперь никогда не смогу выйти. А Сюань не заслуживает такой участи, он должен жить счастливо, или хотя бы иметь такую возможность.

— Ты до сих пор не считаешь себя человеком, даже в этом сногшибательном обликии?

— А ты считаешь себя человеком, щеночек?

— Я испытываю те же чувства и эмоции, что и люди. Я могу радоваться, могу грустить.

— Ты можешь грустить? — усмехнулась я и демонстративно закатила глаза.

— Ну может чуть меньше, чем могут люди, но все же могу. А на твоём лице я вижу застывшие слезы. Разве это не делает тебя человеком?

Я стерла платком снова покотившуюся по щеке слезу.

— Можно это как-то остановить?

— Люди плачут по разным причинам, будь то счастье, скорбь, воспоминания или просто от просмотра очередной дорамы. Не знаю от чего плачешь ты, но уверен, скоро они сами остановятся, потому что у нас куча дел.

— Каких еще дел?

Ответа я не услышала, потому что Шицзы схватил меня за руку и потянул к лодке, плавно качающейся на волнах кровавой реки.

— Нам придется плыть к воротам как обычным духам, — мальчишка брезгливо поморщился, ступая на край дряхлой лодки. — Тебя уже лишили всех привилегий, а у меня не хватит сил переместить нас двоих.

— А разве меня повезут не стражи?

— До суда ты все еще бывший сотрудник Небесной канцелярии, так что я вызвался доставить тебя сам.

Его золотистые волосы растрепались, а красная ленточка сползла, оголив свернутую шею.

— Спасибо, Шицзы, что пришел за мной.

Он распрямился, слегка улыбнулся и протянул мне руку.

— Ты мне, я тебе. Такой принцип дружбы, разве нет?

Глава 2

Наблюдая, как светловолосый мальчишка, пыхтя, гребет веслами, переправляя нас через Реку Мертвых, я спросила:

— Шицзы, почему ты ни разу не переродился человеком? Ты же был императорским щенком. Разве после смерти у тебя не было привилегий?

— Были, но не такие как у тебя.

Он лукаво улыбнулся и сверкнул глазами в мою сторону.

— О чем ты?

— Да, меня похоронили с почестями и все такое, но вот помнили не долго. Никто не жег поминальные бумажки для какой-то собаки, даже императорской. А вот тебе повезло больше. На сколько я слышал, Сюань до последнего дня отправлял тебе послания, а это дорого стоит. В Загробном Мире ты считаешься богачкой. Не знала?

Мои бледные щеки вспыхнули, и я отвернулась, намеренно вглядываясь в кровавую гладь реки, будто не слышала его слов.

— Тебе же он нравится, да?

— Кто нравится?! — слишком громко воскликнула я и резко вернулась взглядом к Шицзы, а он криво ухмыльнулся, будто понял все без слов.

— Сюань, конечно.

Пара секунд замешательства, и я выдала себя с потрохами, но отступить не собиралась.

— Естественно нравится, мы ведь давно друг друга знаем.

— Я не про дружбу. Ты влюблена в него?

— О чем ты? Мы с Сюанем просто друзья, — запротестовала я, перестав контролировать эмоции и слишком интенсивно трясая головой. — Я всего лишь птица, а он человек.

— Он уже давно не человек. Вернее, сейчас да, но первая его жизнь закончилась тысячу лет назад, и он слишком долго был духом, как и ты.

— Это не имеет значения.

— А разве не для него ты изменила облик?

Мои глаза возмущенно расширились, а кулаки сжались.

— Тебя это не касается, маленький проныра. Гребь веслами и не задавай вопросов, а то скину в реку.

Шицзы затянул весла в лодку, и она остановилась, медленно покачиваясь на волнах посреди кишашей душами кровавой реки. Мальчишка нахмурился и демонстративно скрестил руки на груди.

— Мы никуда не поедem, пока не расскажешь всю историю целиком. Я должен знать, ради чего напрягаю спину. Ты как стена, и меня раздрает любопытство, что же за ней спрятано. Когда ты поняла, что влюбилась в человека?

Мои пальцы разжались, а плечи опустились. По щеке вновь покатилась слеза и я инстинктивно смахнула ее тыльной стороной ладони.

«Есть ли смысл притворяться дальше. Мальчишка думает, что у меня есть шанс на помилование, но я слишком давно нахожусь в этом мире и знаю, что за проступки, а тем более такие ужасные как мой, здесь следует наказание и ничто не в силах это остановить, так почему бы не поведать этому щеночку свою историю. Может когда-нибудь она дойдет до Сюаня, раз я не смогла рассказать ему сама.»

— Это случилось через несколько лет после моей смерти...

Все это время я летала по Загробному Миру без цели, была то здесь, то там, помогая заблудшим во мраке душам. Слушала рассказы вновь прибывших о Мире живых и пыталась найти знакомые лица в бесконечно веренице мертвых, чтобы узнать, как поживает Сюань. Он

действительно сжигал поминальные бумажки и у меня накопилось их достаточно, но что делать обыкновенной мертвой птице с таким богатством. Его письма были короткими. На бумажках, которые он умудрялся добыть, много не напишешь, и мне этого катастрофически не хватало. Дождаться Сюаня в Загробном мире оказалось очень утомительно и скучно, а мне ведь всего лишь хотелось увидеть его еще хоть раз. Поэтому, как только я узнала про предстоящий Фестиваль Духов, то не раздумывая купила билет. За тройную цену, между прочим, потому что птице в те времена не положено было посещать такие мероприятия.

В седьмой лунный месяц врата Подземного Мира открылись. Духам позволили выйти, но можно было лишь напомнить живым о себе. Остаться было нельзя.

Одни возвращались к очагам, где их помнили. Другие бродили голодными и злыми, потому что для них не зажигали огня и не произносили их имен. Я же не мешкала и прямо-ком отправилась к дому Ли, но в комнатах было пусто. Тогда я облетела окрестности. У озера собрались люди: все семейство Ли, приглашенные гости и слуги. Они зажигали фонари и пускали их по воде, чтобы осветить духам путь. И вскоре на берегу собрались предки семьи: духи прабабушек и прадедушек, почивших дядюшек и тетюшек. Духи растворились в толпе, наслаждаясь вниманием семьи и подношениями, которые они приготовили. Тогда я и увидела его, у самой воды, под раскидистой ивой. Он стал выше, черные волосы были собраны в аккуратный пучок, повязанный красной лентой, а на поясе висел в ножнах меч. Мальчик, которого я знала раньше, вырос и стал похож на своих старших братьев, один из которых лишил меня глаза и жизни. Конечно, я испугалась такой перемене, но все же подлетела ближе и приземлилась на одну из веток в самой гуще листвы. Духи животных до сих пор редко пускают на Фестиваль, потому что их чаще всего замечают люди. Я притаилась, не зная, чего ожидать от этой встречи теперь, когда он так изменился.

Сюань сидел на берегу у костра в одиночестве и кидал в воду камешки. На его лице была грустная улыбка и я немного приблизилась к краю ветки. В бесконечно глубоких черных глазах мелькал красный отблеск от удаляющегося вглубь озера такого же одинокого фонарика. Сюань достал из тканевого мешочка на поясе свернутую в трубочку узкую полоску рисовой бумаги и тут же поджег ее. Он наблюдал как сгорает бумага с его посланием, но я видела, как с пеплом во все стороны разлетаются светящиеся мотыльки.

— Пепел символизирует принятие духами моей просьбы. Может ты появишься сегодня, Моне? — тихо спросил он, глядя в пустоту.

Людям нельзя звать духов по именам, чтобы не навлечь беду, и чтобы духи не посчитали это предложением остаться. Но, когда он произнес мое имя, внутри будто что-то вспыхнуло. Мне захотелось тут же вылететь из своего укрытия и бросить к нему, сказать, что я здесь, что я снова его нашла.

— С кем ты разговариваешь, Ли Сюань?

Тонкий, похожий на звон колокольчика, голос заставил меня остановиться. К дереву подошла девушка, живая, из плоти и крови. На ней бы нежно-розовый ханьфу, украшенный рисунком в виде белых лотосов, ее черные гладкие волосы, собранные золотыми шпильками и цветами, струились по плечам. Фарфоровое личико даже в темноте ночи сияло белизной, а губы раскрывались в такт ее словам, как маленький бутон. Она была похожа на куклу, но глаза, темные и неподвижные, выдавали ее не добрую натуру.

Услышав голос, Сюань тут же поднялся и учтиво поклонился девушке, а я замерла.

— О, это ты, Ли На. Разговариваю сам с собой, но тебе не стоит волноваться и уж тем более рассказывать об этом кому-нибудь.

— Ты же знаешь, я не предам своего будущего мужа.

Она игриво улыбнулась, но от ее улыбки веяло холодом.

— Мне всего восемнадцать, я готовлюсь к экзаменам на чиновника, как и мои братья до меня, и уж точно не собираюсь ни на ком жениться пока не заслужу это звание, — категорично заявил Сюань, и тут же об этом пожалел.

Девушка словно маленький ребенок, которому не дали медовую лепешку, топнула ногой и нахмурила свои нарисованные тонкой линией брови, и ее визгливый голос тут же прорезал воздух.

— Но разве я тебе не нравлюсь?

Сюань молчал, не зная, что еще можно сказать и не разозлит ли это ее еще сильнее, но увидев, что у девушки на глазах наворачиваются слезы, все же ответил.

— Конечно, нравишься. Но, возможно, не так, как тебе бы хотелось. Давай вернемся к этому разговору лет через, э-э-э пять?

— Но мне уже пятнадцать, если ты не согласишься жениться на мне, родители выдадут меня за какого-нибудь старика, лет двадцати пяти.

Сюань еле сдержал улыбку, но не хотел обижать девушку еще сильнее, поэтому просто перевел разговор в другое русло.

— Прости, Ли На, но отец не даст согласия на брак, пока я не сдам экзамен. Для него нет ничего важнее общественного признания и императорского одобрения, да и зачем тебе муж, который не имеет статуса.

Девушку эта версия немного успокоила, и она подошла ближе, вскинув голову вверх.

— Хорошо, я дождусь, когда ты закончишь свое обучение и сдашь императорский экзамен. Но не смей меня обманывать Ли Сюань.

С этими словами она прильнула к нему, прижавшись к груди и обхватив обеими руками. Сюань так и остался стоять, ошарашенный происходящим, а мне внезапно захотелось выклевать этой девчонке глаза. С громким криком я сорвалась со своей ветки и взлетела. Полагаю, мой гнев был таким явным, что они оба смогли меня увидеть.

— Злобный дух! — закричала девчонка, а Сюань потерял дар речи глядя на меня.

Я лишь подумала, а слова уже сами слетели с языка, будто я всегда могла говорить.

— Пошла прочь, маленькая дрянь! Иначе утащу тебя в Загробный мир.

Ждать она не стала, и я с блаженством наблюдала, как Ли На с криками бежит в дом, пока не услышала за спиной знакомый смех.

— Я всегда знал, что если бы ты умела говорить, то разговаривала примерно так.

Я притихла, пытаюсь осознать, что теперь могу сказать ему все что так давно хотела, но боюсь это сделать.

— Я так рад, что ты здесь. Учитель сказал, что птиц не пускают на Фестиваль Духов, но я все равно пришел сюда и зажег фонарь, чтобы ты меня нашла, как раньше, помнишь?

— Мне больше не нужен фонарь, я найду тебя и без него, — произнесла я, вновь удивляясь своему вполне человеческому голосу.

Сюань осторожно подошел ближе, видимо, боясь меня спугнуть, но я взлетела вверх и плавно приземлилась на его плечо, уткнувшись клювом в щеку. Он умиротворенно закрыл глаза, хотя вряд ли мог ощущать мое присутствие, ведь я все еще была лишь бестелесным духом.

— Я скучал по тебе, птичка.

Эти слова пронзили мое маленькое мертвое сердце.

— Я получала твои послания, — прошептала я ему на ухо, — и дождусь тебя в Загробном мире. Только тебе придется писать мне письма подлиннее, иначе я умру второй раз, но уже от скуки.

Он горько усмехнулся и внимательно посмотрел на меня.

— Тебе было больно? — тихо спросил он, заметив черную дыру на месте моего правого глаза.

— Нет, смерть была быстрой, — тихо ответила я, стараясь звучать успокаивающе, и про себя добавила: «Больно стало потом — когда поняла, что больше тебя не увижу».

— Я не разговариваю с братом все это время. Он знает почему, но не думаю, что осознает всю серьезность своего поступка.

— Если хочешь, могу напугать его, пока я здесь. Как твою... невесту.

— Ли На не моя невеста. Я вообще не собираюсь ни на ком жениться, но отец вряд ли мне это позволит. Хорошо, что я не единственный сын в семье и пока у него в приоритете лишь императорский экзамен, хотя и это мне выходит боком.

— Но этой девушке ты вроде нравишься.

— Ей нравятся все, кто младше двадцати и потенциально может стать ее мужем. Она красивая, не спорю, но ей бы не помешало набраться ума. Вот если бы она была так же умна как ты, я бы сразу женился.

Сюань грустно улыбнулся, а мне стало не по себе от его слов.

Берег давно опустел, фонарики догорали в темноте озера, а мы так и сидели у края воды и говорили обо всем, будто старые друзья, которых разлучило время, а не смерть. И как бы ни печально было это осознавать, но мне пора было возвращаться.

— Ты же можешь остаться здесь со мной.

— Я бы очень этого хотела, но духам запрещено оставаться в Море живых.

— Но разве нельзя сделать исключение для одной маленькой птицы?

Сердце сжалось от тоски, но я не могла остаться.

— Я слышала, что происходит с духами, которые ослушиваются этого правила и остаются в Море живых. Они становятся голодными и ненасытными, их пропитывает злость от осознания своей ненужности в этом мире, ведь они не могут прикоснуться к своим близким, их никто не видит и не слышит их мольбы. Они медленно сходят с ума, и обратного пути уже нет. Я не хочу стать одной из них.

— Тогда прилетай хотя бы на Фестиваль, я всегда буду ждать тебя, обещаю.

— Хорошо. Тогда я тоже обещаю.

На светлом личике Шицзы отразилась грусть, а губы дрожали.

— Не слышал ничего печальнее, — завыл он.

— За триста лет? Не ври мне щеночек, — утирая очередную партию слез, цыкнула Моне.
— Уверена, были истории намного трагичнее моей.

— Но эти истории не касались тех, кого я знаю лично, так что в этом рейтинге вы фавориты.

Мальчишка, как ни в чем не бывало, схватил весла и продолжил грести к воротам.

— Так значит твое детское фарфоровое личико было выбрано не случайно? Ты копировала Ли Ну? Но почему?

— Все что я знала об отношениях парней и девушек, было почерпнуто мной во времена Династии Тан, а потом я застряла в Загробном мире и как-то не особо интересовалась подобными вещами. А когда триста лет назад мне предложили поработать Духом-оборотнем в Небесной канцелярии я выбрала тот образ, который, думала, понравится Сюаню. Откуда я могла знать, что пятнадцатилетняя девчонка неровня парню под тридцать.

— И теперь, узнав это, ты решила сменить облик?

— Хватит уже допрашивать меня! Выставила себя полной дурой.

Глаза Шицзы засияли, и он с еще большим рвением начал грести веслами, рассекая тягучую поверхность кровавой реки.

— Мы должны все исправить, у этой истории не может быть такой печальный конец. Жаль, что Сюань-человек не помнит все, что было с ним в Загробном мире. Не помнит тебя. Он бы точно придумал способ оправдать свою птицу в суде.

— Разве ты еще не понял, что я не верю в хэппи энды?

— А ты до сих пор не поняла, что я сделаю все что угодно ради друга?

Моне молчала, впиваясь ногтями в бортики лодки, потому что если бы начала говорить, то слезы снова предательски бы потекли по щекам. Шицзы улыбнулся, как всегда своей самой очаровательной и совершенно детской улыбкой.

— И какой у тебя план? — дрогнувшим голосом спросила Моне.

— Для начала, нам надо успеть к воротам в Диюй, чтобы перехватить твою «жертву».

— Что? Ты сошел с ума? Хочешь встретиться с той девушкой, которой я пробила сердце? Твой план трещит по швам, щеночек. Она не станет со мной разговаривать, я в этом уверена.

Но, едва они сошли с лодки на берег, Моне услышала звонкий голос:

— Я уж думала не дождусь тебя!

Растрепанная, с размазанной по лицу косметикой и зияющей дырой в груди Джингуа обхватила испуганную Моне. Выпутаться из ее объятий было не легко, но Моне все же смогла это сделать, когда девушка слегка ослабила хватку.

— Я хотела сказать спасибо, что освободила меня от этой мерзкой старухи.

Моне непонимающе смотрела на Джингуа, затем на Шицзы, ожидая подвоха.

— Ты же понимаешь, что умерла бы в любом случае? До земли оставалось совсем немного, когда я... ну, ты поняла.

Моне покрутила пальцем в районе груди и на всякий случай сделала шаг назад.

— Это было бы больнее. У меня перед глазами до сих пор стоит лицо подруги, которую она убила моими руками, а затем скинула с той же крыши. Теперь я могу начать новую жизнь, так что говорю тебе спасибо, а еще хочу извиниться.

— За что? — удивилась Моне, ожидая услышать какую-нибудь глупость.

— За то, что по моей вине ты умерла.

— Но я уже была мертва, так что не бери в голову.

— Нет, я не про этот раз. Про самый первый. Давно хотела извиниться, но мы с тобой впервые пересеклись с тех пор. Тебя убили по моей вине, потому что я так сильно ревновала старшего брата Ли Сюаня, что украла у его новоиспеченной женушки брошь, а он не стал поднимать шум, обвинив во всем случайно залетевшую в окно птицу и тут же свершив наказание.

Моне замерла, переваривая услышанное. Ее кулаки сжались, а глаз вспыхнул голубым светом. Но неистовый взгляд остановился на пробитой груди девушки, стоящей перед ней и виновато опустившей голову, и она лишь с шумом выдохнула.

— Тогда мы квиты. Ты убила меня — я тебя. Правда, я так не радовалась своей смерти.

Втиснувшись между ними, Шицзы наконец открыл рот и произнес то, что Моне никак не ожидала от него услышать.

— Думаю, в таком случае будет справедливо, если ты нам поможешь.

Джингуа и Моне удивленно посмотрели на него, не понимая к чему он клонит.

— Возможно ты слышала о Небесной канцелярии и «Отделе последних желаний».

Джингуа отрицательно покачала головой, а мальчишка со вздохом закатил глаза.

— Прежде чем пройти через ворота Диюя беспокойная душа может попросить наш отдел об исполнении последнего желания.

— Но у меня нет последнего желания, — ответила Джингуа, слегка задумавшись.

— Зато есть у нее, — Шицзы указал пальцем на Моне, — но она не в праве его загадать.

До Моне, кажется, начал доходить смысл его слов, и она схватила бледную руку девушки. Джингуа испуганно смотрела на них, но все же согласно кивнула.

— Что я должна загадать?

— Чтобы Ли Сюань вспомнил свою птицу.

— Эй, придержите лифт!

Этот голос Сюань все еще помнил. Мягкий и успокаивающий он был последним воспоминанием, прежде чем отключиться на целый год.

Резкий взмах руки и ладонь оказалась между двух закрывающихся створок. Но когда двери лифта автоматически открылись, девушка не спешила заходить внутрь. Ее темные волосы чуть отросли и теперь спускались ниже плеч, под карими глазами пролегли тени, следы бессонной ночи, а может и не одной, губы сомкнуты, шея напряжена. Он помнил ее совсем другой, но сердце все равно забилося быстрее.

— Извини, не знала, что это ты. Я подожду следующий лифт, или лучше поднимусь по лестнице, — наконец произнесла она, опустив голову.

Девушка виновато поклонилась и направилась к лестнице, но Сюань не мешкая окликнул ее.

— Циньлин, тебе не обязательно меня избегать. Все в порядке.

Она остановилась и медленно обернулась. На мгновение ему показалось, что в ее глазах что-то блеснуло, но, заметив его интерес, она быстро заморгала и блеск исчез.

— Я слышала, что ты очнулся, но не думала, что так скоро тебя увижу.

— Врачи тоже удивились моему быстрому выздоровлению. Но родители все равно настаивали на том, чтобы пожил у них несколько дней. И вот теперь я вернулся домой. Немного неприятно. Кстати, не знаешь, что случилось с моей кошкой? Родители сказали, что ее не было в квартире, когда они заходили за вещами.

Сюань держал двери лифта открытыми, в надежде, что Циньлин зайдет, но она все еще вела себя сдержано и, казалось, хотела уйти.

— Я давно ее не видела. Наверное, убежала.

Циньлин замолчала на минуту, а затем с выдохом продолжила:

— Я не была уверена, что ты захочешь меня видеть, после всего. Это ведь я вынесла тот злополучный торт.

— Поверь, меньше всего я виню в этой ситуации тебя. Все это просто нелепое стечение обстоятельств, несчастный случай, как мне сказали доктора в больнице. Да и встретились мы тогда впервые, с чего бы мне думать, что незнакомка с верхнего этажа хочет меня убить.

Сюань неловко улыбнулся, выжидая реакцию на шутку, но уголки ее губ даже не дрогнули. Девушка зашла в лифт и встала рядом с ним, опустив голову и сложив руки в замок перед собой. Он молча нажал кнопку ее этажа и лифт со скрежетом пополз вверх.

Некоторое время они ехали в неловком молчании. В голове Сюаня роились вопросы, которые он хотел задать, но боялся, что Циньлин станет грустно от них и она больше не захочет с ним говорить. Например, узнать про Юньшаня — друга, с которым он уже никогда не сможет увидеться, потому что пролежал в коме последний год его жизни. Он хотел спросить какими были его последние дни, был ли он счастлив ... с ней? Но вместо этого Сюань спросил другое, то, что не ранило бы никому из них сердце.

— Как ты смотришь на то, чтобы вместе сходить куда-нибудь на неделе?

Циньлин подняла голову и встретилась с ним взглядом. На ее лице отразилось недоумение, смешанное с любопытством, поэтому он решил уточнить:

— Как друзья, конечно, не подумай ничего такого! Просто я довольно много всего пропустил, хотелось бы восполнить недостающие фрагменты.

— Разве твои родные тебе все не рассказали?

— По большей части они только давили меня своей чрезмерной заботой. И я их, конечно, не виню, сын внезапно вырубается на год словно Белоснежка, такое выбивает из колеи. Но сейчас хотелось бы пообщаться с кем-то, кто не заставляет меня отдыхать после каждого приема пищи или долгой ходьбы.

На ее лице расцвела теплая улыбка и она прищурила глаза.

— В выходные в парке будет проходить выставка древностей из нашего музея. Я курирую ее, как ведущий реставратор.

— Оу, ну я не настаиваю, да и день можешь выбрать любой. Я сейчас, можно сказать, в отпуске. Знаешь, даже адвокатам после комы дают несколько отгулов.

На этот раз Циньлин не смогла сдержаться и улыбнулась. Ее сцепленные пальцы наконец разомкнулись, и она прикрыла рукой рот.

— Я к тому, что могу встретиться с тобой после выставки, — мягко уточнила она. — Все говорят, что в парке сейчас очень красиво, а я там давно не была.

— Я тоже. Как минимум год, — Сюань в отчаянье прикрыл руками лицо, каждой клеткой ощущая стыд

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.